

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013354-6

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2021

Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: Статья продолжает тему отражения монгольской имперской идеологии в средневековых источниках из стран и регионов, столкнувшихся с монгольским нашествием в XIII в. [Дробышев, 2019, Дробышев, 2020]. Особенности менталитета, культурные традиции, в том числе связанные с летописанием, характер монгольского вторжения и становления монгольской власти на захваченных землях определили различия в восприятии этой новой грозной политической силы. Сирийская историография в годы монгольского владычества прочно придерживалась традиции, заложенной еще римским историком Евсевием Кесарийским (ок. 265–339/340) в его знаменитой «Церковной истории». Ввиду отсутствия светского сирязычного высшего класса, она была почти исключительно религиозной, адресованной образованным священнослужителям и монахам. Следовательно, все события рассматривались ее авторами как развертывание плана спасения человечества Богом. Исходя из этой предпосылки, сирийские авторы выбирали факты политической или военной истории, расставляя по местам каждое лицо, действовавшее по воле Божественного провидения, включая, разумеется, и монголов – от великих ханов до обычных воинов. Эта особенность сирийской историографии открывает новую грань в нашем понимании захватнических планов монголов, претензий их ханов на вселенское правление, методов обоснования этих претензий для покоренных народов. Автор акцентирует внимание на анонимной «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» и «Всеобщей истории» Абу-л-Фараджа, а также привлекает ряд других, менее широко известных источников. Показано, что в русле сирийской историографии, очевидно, продолжающей древнюю региональную традицию, наблюдаются различия в титуловании монгольских правителей (хан/хаган) и преувеличивается универсальность локальной монгольской власти, однако, сведений о планах монголов покорить «весь мир» нет. Разумеется, в фокусе внимания сирийских историков находятся правители Ильханата, определявшие в те годы политику на Ближнем Востоке и оказывавшие значительное влияние на религиозный климат региона, нередко благоприятствуя христианам.

Ключевые слова: монголы, имперская идеология, сирийские источники, Бар 'Эброй, понятие «всего мира», Чингис-хан.

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых сирийских источниках. *Восток (Oriens)*. 2021. № 1. С. 19–30. DOI: 10.31857/S086919080013354-6

REFLECTION OF MONGOLIAN IMPERIAL IDEAS
IN THE MEDIEVAL SYRIAN SOURCES

© 2021

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The article continues the theme of reflection of the Mongol imperial ideology in medieval sources of countries and regions faced with the Mongol invasion in the 13th century [Drobyshev, 2019, Drobyshev, 2020]. The peculiarities of mentality, cultural traditions, including those related to annals, the nature of the Mongol invasion and formation of the Mongol power in occupied lands determined the differences in the perception of this new formidable political force. Syrian historiography during the Mongol rule was firmly adhered to the tradition laid down by the Roman historian Eusebius of Caesarea (CA. 265–339/340) in his famous “Ecclesiastical history”. In view of the absence of a secular Syriac-speaking upper class, it was exclusively religious, addressed to educated priests and monks, therefore, all events were considered by its authors as the unfolding of the plan for the salvation of mankind by God. Based on this premise, the Syrian authors chose the facts of political or military history, placing in place every person who acted according to the will of Divine Providence, including, of course, the Mongols – from the great khans to ordinary soldiers. This peculiarity of Syrian historiography opens a new frontier in our understanding of the Mongols’ aggressive plans, the claims of their khans to universal rule, and the methods of justifying these claims for the conquered peoples. The author focuses on the anonymous “History of Mar Yahballaha III and Rabban Sauma” and “The General History” by Abu’l-Faraj, and also draws on a number of other, less widely known sources. It is shown that in line with the Syrian historiography, which obviously continues an ancient regional tradition, there are differences in denomination of the Mongol rulers (khan/khagan), and the universality of the local Mongol power is exaggerated, however, there is no information about the Mongols’ plans to conquer “the whole world”. Indeed, the focus of Syrian historians is on rulers of the Ilkhanate, who determined policy in the Middle East in those years and had a significant influence on religious climate of the region, often favoring Christians.*

Keywords: Mongols, Imperial ideology, Syrian sources, Bar ‘Ebroyo, the concept of “the whole world”, Genghis Khan.

For citation: Drobyshev Yu.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in the Medieval Syrian Sources. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 1. Pp. 19–30. DOI: 10.31857/S086919080013354-6

Из большого количества произведений, написанных на сирийском языке, лишь несколько охватывают период монгольского владычества на Ближнем Востоке. Это, прежде всего, «История мар Ябалахи III и раббан Саумы»¹ неизвестного автора² и два сочинения, принадлежащие знаменитому сирийскому церковному деятелю, ученому и писателю

¹ Этот источник был переведен на ряд языков: [The History, 1927; Budge, Wallis, 1928; История, 1958 (=Пигулевская, 2000, 2011); Borbone, 2008].

² Не столь давно было высказано предположение, что автором «Истории» мог быть следующий после католикоса Ассирийской церкви Востока мар Ябалахи III (1281–1317) католикос Тимофей II (1318–1332); см.: [Murre-van den Berg, 2006, p. 391–393].

Григорию Иоанну Абу-л-Фараджу по прозвищу Бар 'Эбройю (1226–1286)³ – «Всеобщая история» («Хронография») и «Церковная история». Некоторые сведения о монголах можно также найти в анонимной хронике 1234 г. [*Anonymi Auctoris Chronicon*, 1974] и в коротком тексте «Об убийстве Науруза-гонителя», опубликованном в качестве приложения к английскому переводу «Всеобщей истории» Бар 'Эбройю [*The Chronography*, 1976, р. XXVI–XXIX]. Вопреки своему названию, он по большей части посвящен походу Газан-хана (1295–1304) против египетского султана и написан, вероятно, участником этого похода. Дополнительными источниками информации могут послужить арабоязычные тексты сирийских авторов, в том числе и принадлежащая Бар 'Эбройю «Краткая история государств» [Бар Гебрей, 1890; Conrad, 1994; Исмаилова, 1995], а также колофоны рукописей и литургические поэтические произведения [Pritula, 2014; Притула, 2014; Притула, 2015]⁴.

Особой полнотой отличаются труды Бар 'Эбройю. Как известно, материалы о первых монгольских хаганах Бар 'Эбройю изложил по сочинению своего знаменитого современника Ала ад-Дина Джувейни (1226–1283) «История завоевателя мира», с рукописью которого он, по его собственным словам, познакомился в Мараге. Поскольку Бар 'Эбройю писал свой труд для христианских монахов и священников, он значительно сократил текст Джувейни, адресованный приобщившейся к исламу монгольской элите, и сделал некоторые добавления от себя [Borbone, 2009; Borbone, 2016]⁵. Сопоставление текстов Джувейни и Бар 'Эбройю предоставляет ценную информацию о методе летописания и мировоззрении последнего [Vasko, 2006, р. 46–54].

Несмотря на то что автор «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» и Бар 'Эбройю принадлежали к одной культурной среде и, во всяком случае, оба писали на сирийском языке и исповедовали христианство, хотя и принадлежали к разным церквям – Ассирийской церкви Востока и Сирийской православной (Яковитской) соответственно, их трактовка событий порой отличается диаметрально противоположно⁶. В частности, это проявилось в их титуловании монгольских владык, что имеет к нашей теме прямое отношение.

ТИТУЛАТУРА МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ И ПРЕДЕЛЫ ИХ ВЛАСТИ ГЛАЗАМИ СИРИЙСКИХ АВТОРОВ

Автор «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» называет великих ханов Мункэ (1251–1259) и Хубилая (1260–1294) «царями царей, ханами» [*История*, 1958, с. 65, 67, 68, 76–78, 107]; первая часть этого составного титула является точным переводом его монгольского эквивалента «хаган». И наоборот, все правившие в Иране и Закавказье ильханы в «Истории» именуются просто «царями»: Абага (1265–1282) [*История*, 1958, с. 69, 74–76, 78, 99], Текудер (Ахмед, 1282–1284) [*История*, 1958, с. 76–78], Аргун (1284–1291) [*История*, 1958, с. 78–79, 93, 95–96, 98, 108, 135–140, 143–144], Гайхату (1291–1295)

³ О его жизни и трудах см. наиболее полное исследование: [Takahashi, 2005]. Сильное влияние на творчество Бар 'Эбройю оказала «Хроника» знаменитого историка и патриарха Сирийской православной церкви Михаила Великого (1126–1199) [Weltecke, 2003].

⁴ Отдельного внимания заслуживает описание в поэтическом стиле *онита* всех ужасов резни, устроенной монголами в деревне Кармела (Кармлиш) в 1235 г. [Deutsch, 1895, S. 15–22; Tamcke, 2008; Borbone, 2010]. Это событие настолько глубоко врезалось в память сирийцев, что семь веков спустя появилась элегия из 113 четверостиший «О нападении монголов на Кармлиш», сложенная уроженцем этих мест [Brida, 2011].

⁵ П. Борбоне полагает, что Джувейни был для Бар 'Эбройю единственным источником по первым монгольским ханам и монгольскому праву – Великой Ясе [Borbone, 2016, р. 355].

⁶ Впрочем, следует иметь в виду, что межконфессиональные представления и взаимоотношения в средневековом сирийском обществе были довольно сложными. Отношение самого Бар 'Эбройю к представителям различных церквей обсуждается в работе Д. Вельтеке [Weltecke, 2016].

[История, 1958, с. 97–100, 104], Байду (1295) [История, 1958, с. 98–100], Газан [История, 1958, с. 102–103, 105–107, 109–111, 113–115, 118–121, 126] и, наконец, Олджейту (1304–1316) [История, 1958, с. 121–123, 125, 129–130, 132]. Внук хагана Угэдэя (1229–1241) Кайду (Хайду, ок. 1235–1301 или 1306) для автора «Истории» тоже «царь» [История, 1958, с. 67]. Ничего необычного в этом нет – именно такой была субординация высших лиц Монгольской империи, но, если сравнить «Историю» с трудом Бар 'Эбройю, бросается в глаза, что последний называет «царями царей» (*mlek malkē*) только ильханов, начиная с Хулагу (1256–1265) и кончая Газаном⁷, а для великих ханов он зарезервировал титул «царь», хотя у его источника – Джувейни – они названы «каанами». Причина этих расхождений нам пока не ясна. Эта тенденция четко прослеживается и в «Церковной истории». Кроме того, Бар 'Эбройю употребил этот пышный титул по отношению к Хулагу (не называя последнего) в начале двух других своих работ: «Вознесение разума» и перевода с арабского языка на сирийский «Книги указаний и наставлений» Ибн Сины. Оба труда посвящены Симеону из Кала Ромайты, священнику Сирийской православной церкви, «царю врачей царя царей мира», который сыграл ключевую роль в научной деятельности Бар 'Эбройю и по чьей инициативе были выполнены эти труды [Takahashi, 2001; Borbone, 2017, p. 126, 128]. В пятой части восточносирийского доксологически-агиографического произведения «Башня», связанного с именем Амра ибн Матты ат-Тирхани (начало XIV в.) и написанного на арабском языке, титул Хулагу звучит еще более экзальтированно, хотя и без ссылок на всемирное правление: «власть перешла от аббасидских халифов к монголам, к наивысшему султану царю царей Аравии и Персии великому Хулакухану» [Maris, Amri et Slibae, 1897, p. 69]⁸. Неизвестный автор записок «Об убийстве Науруза-гонителя» десять раз величает «царем царей» Газана⁹. Таким образом, можно предполагать бытование специфического подхода сирийских авторов к титулованию монгольских владык, вероятно обусловленного региональной традицией, истоки которой лежат в Ахеменидской эпохе, когда Кир Великий (559–530 до н.э.) впервые принял аналогичный по значимости титул «шаханшах». Вероятно, этот подход демонстрирует тотальность монгольской власти в глазах сирийских авторов. Что касается составителя «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы», то он, имея тесные контакты с двумя выходцами из юаньского Китая (не исключено, что они служили тайными эмиссарами Хубилая¹⁰), мог иметь более ясное представление о субординации Чингисидов.

Важным признаком, позволяющим строить предположения относительно как монгольских захватнических планов, так и понимания масштабов монгольской агрессии современниками, является понятие «всего мира». Во многих источниках, созданных представителями разных культур, подчеркивается универсальный характер монгольской власти, простирающейся над всеми землями и народами. Не остались в стороне от подобных суждений и сирийские авторы.

Когда скончался католикос Ассирийской церкви Востока мар Денха I (1265–1281), на его место митрополиты выдвинули онгута Маркоса, провозглашенного мар Ябалахой III, а «причиной его избрания было то, что цари, державшие бразды правления вселенной, были монголы, и не было никого, кто бы так знал их обычаи, обхождение с ними и язык их, как

⁷ После смерти Бар 'Эбройю его труд продолжил, предположительно, его брат Сафи Бар Саума, сохранивший стиль титулования ильханов. Исключение он сделал лишь для Байду, продержавшегося на троне несколько месяцев.

⁸ Впрочем, ниже источник называет семерых последовательно правивших ильханов, от Абаги до Олджейту включительно, просто «царями» [Maris, Amri et Slibae, 1897, p. 72].

⁹ The Chronography, 1976. P. XXVI–XXVII, XXIX.

¹⁰ В «Церковной хронике» Бар 'Эбройю объяснил их приход «по приказу Хубилая поклониться святыням Иерусалима» [Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum, 1877, p. 451/452].

он» [*История*, 1958, с. 74]¹¹. Принять посвящение можно было только с согласия царствовавшего ильхана, на тот момент – Абаги [*История*, 1958, с. 74]. К сожалению, нельзя быть полностью уверенными в том, о каких «царях монгольских» здесь идет речь – ильханах или великих ханах Юань, хотя логично было бы думать, что имеются в виду первые, поскольку именно от них зависело благосостояние Ассирийской церкви Востока и лично ее митрополитов [Fiey, 1975; Селезнев, 2001, с. 52–61; Borbone, Orengo, 2010; Кораев, 2017]. Соответственно, наши предположения о пределах этого «правления вселенной» в данном случае будут основываться на весьма шатком фундаменте, но источники предоставляют дополнительную информацию, к разбору которой мы переходим.

Уничтожение монголами Аббасидского халифата в 1258 г., с владычеством которого ближневосточные христиане были вынуждены мириться в течение полутысячелетия, символизировало для них начало новой эры; по крайней мере, так отреагировала на это сирийская яковитская историография в лице Бар 'Эброй. Региональные события в освещении сирийских церковных писателей приобрели вселенский масштаб. Супруга основателя ильханата Хулагу по имени Докуз-хатун показана во «Всеобщей истории» как ревностная христианка, и неважно, что ее замужество шло вразрез с нормами этой религии: «Она высоко подняла рог христиан по всей земле» [*The Chronography*, 1932, р. 419]¹². Хулагу и Докуз-хатун умерли в 1265 г. почти одновременно, «и великая скорбь явилась ко всем христианам во всем мире из-за ухода этих двух великих светочей, которые сделали христианскую религию триумфальной» [*The Chronography*, 1932, р. 444]. «Большое горе среди христиан во всем мире» случилось и по причине злодейств вышеупомянутого Науруза [*The Chronography*, 1932, р. 507].

Сообщение о смерти Аргуна в анонимной «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» демонстрирует, насколько глубоко проникла в сознание сирийских христиан идея о его сопричастности религии. Оно же раскрывает горизонты миропонимания автора «Истории», который, подобно Бар 'Эброй, эксплицитно отождествляет свою церковь со всем христианским миром: «Когда прошло немного времени после события этого, о котором мы вспомнили (крещения сына Аргуна Олджейту. – Ю.Д.), бог, господь всех, господь смерти и удаления, увел царя Аргуна на ложе радости в лоно Авраамово. Его уход поверг в печаль и траур всю церковь под небом, потому что до его времени положение ее было плохо, а в его время церковь была значительно укреплена» [*История*, 1958, с. 96]. Несколько дней церковь пребывала в смятении, пока на смену почившему монгольскому монарху не явился его брат Гайхату и «вселенная была умиротворена», ибо «благословенный царь Кайкату не уклонился от пути своих отцов» [*История*, 1958, с. 97]. Однако Бар Саума или какой-то другой неизвестный нам продолжатель труда Бар 'Эброй оценивает Гайхату совершенно иначе. Он не скупится на обвинения в приверженности того к самым грязным порокам и передает слова, якобы сказанные Газану посланцами Байду: «Кайджату отошел от пути монголов и презрел отца, Чингиз хана» [*The Chronography*, 1932, р. 498]. Складывается впечатление, что историк сам пострадал от Гайхату, и его многословные выпады – акт мести.

Между тем «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» продолжает восхвалять «благословенного царя Кайкату», вследствие убийства которого и крайне неустойчивого положения нового претендента на ильханат – царевича Байду – «возмутилась вселенная»

¹¹ Мар Ябалаха был приветливо встречаем Хулагуидами и получал от них не только богатые дары, но и имперские символы власти, такие как седалище, зонтик, золотую пайцзу, причем автор «Истории мар Ябалахи» счел нужным пояснить относительно зонтика: «Он (Абага. – Ю.Д.) дал ему также зонтик, по-монгольски называемый “сукор”, который открывали и держали над головой царей, цариц и их детей, чтобы ослабить силу солнца и дождя, чаще же их осеняют им, чтобы оказать им честь» [*История*, 1958, с. 75]. См. также: [*История*, 1958, с. 98, 100, 114, 118]. Таким образом, зонтик здесь – показатель высокого статуса своего обладателя и предмет, с помощью которого Чингисиды демонстрировали свое благорасположение покорившимся им важным лицам.

¹² Автор использует библеизм, имеющий значение «дать владычество».

[История, 1958, с. 100]. Однако автор выглядит несколько непоследовательным, так как про смерть Газана говорит более сдержанно: «Надело траур о нем все население земель его великой державы» [История, 1958, с. 120].

ЧИНГИС-ХАН И МОНГОЛЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ БОЖЕСТВЕННОЙ ВОЛИ

«Вселенское правление» было бы невозможно без Божественной санкции. Эту идею, очевидно, широко распространявшуюся самими же монголами, оказалась вынужденной разделять и сирийская историография. Приведем яркий пример. Когда к власти пришел Аргун, мар Ябалаха III посчитал себя обязанным лично явиться к нему, что можно расценивать как прямое продолжение ближневосточной традиции, заложенной еще в VII в. Согласно этой традиции, каждый вновь избиравшийся патриарх или мафриан¹³ был должен прийти к правящему монарху для утверждения в своей должности. Итак, «он отправился в те дни с епископами и монахами, чтобы поздравить царя Аргуна и чтобы выполнить обязательства, которыми обязаны христиане царям по приказу апостолов: каждый должен подчиняться высшим властям, ибо нет власти, которая не от бога» [История, 1958, с. 78]. Это один из немногих памятников монгольской эпохи, в котором мысль о необходимости подчинения монголам была бы прописана столь четко.

Поскольку характерной чертой средневековой сирийской историографии является ее религиозный характер, события трактуются в свете христианского вероучения. Более того, история для сирийских христиан – это история Спасения [Vasko, 2006, p. 26, 70]. Соответственно, и приход Чингис-хана к власти объясняется как реализация Божественного плана, а сам кровавый завоеватель превращается в адепта христианства. Уединившись однажды с патриархом Сирийской православной церкви Игнатием IV Ешу (1264–1282) для приватной беседы, Хулагу якобы сказал миролюбиво: «Из племени вашего приходили святые мужи к отцу нашему Чингиз Хану, первому нашему царю, и обучали его истинной религии и законам» [Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum, 1874, p. 755/756]. В принципе, появление в орде Чингис-хана христианских проповедников вполне вероятно; другое дело, ни один известный источник не подтверждает его приверженность ни к этому учению, ни к какому-либо иному. Чингис-хан до конца своих дней остался верным сыном Вечного Синего Неба.

Следуя Джувеини, Бар 'Эбройю информирует своих читателей о том, как через необыкновенного человека, которого он называет Тубут Тангри¹⁴, Господь назначил Чингис-хана повелителем мира: «И в то время возвысился некий человек из татар, кто в разгар зимы, в любой мороз и холод, которые есть в той стране, бродил нагой, и он шел через горы и холмы много дней. И он обычно приходил и говорил: “Я пришел от Бога, и Он сказал мне: Я дал всю землю Темурчину и его сыновьям. И я назвал его именем “Чингиз хан”»» [The Chronography, 1932, p. 353]. Эта история должна была быть довольно хорошо известной в государстве Хулагуидов. С какой целью ее доносит до своей аудитории Бар 'Эбройю? По-видимому, он решал задачу легитимации монгольской власти подобно тому, как ее решали его предшественники в отношении римских, арабских, византийских, сельджукских правителей, исходя из принципа, что, если власть победоносна, значит, она угодна Богу. Следовательно, ее нужно принимать [Dickens, 2004, p. 22, 57, 65–66].

¹³ Мафриан (сир. «сеятель») – наместник пребывавшего в Антиохии католикоса Сирийской православной церкви в восточных областях.

¹⁴ Искаженное имя известного Тэб-Тэнгри (Кокочу), чью идеологическую «обработку» Тэмучжина (как звали Чингис-хана до провозглашения ханом) отразили, помимо труда Джувеини, важнейшие источники по ранней истории монголов – «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина.

Между тем первое нашествие монголов, имевшее место в начале 1220х гг., и их разбойные рейды в последующие годы, хотя и признавались Господним наказанием, оценивались сирийской историографией исключительно негативно. При этом сами кочевники «не знают, существует ли Бог, и не заботятся ни о молитве, ни о посте» [*Anonymi Auctoris Chronicon*, 1974, р. 177]. Про их второе появление в 1232 г. сообщается, что они пришли без вождя или царя [*Anonymi Auctoris Chronicon*, 1974, р. 177]. Однако приход Хулагу обеспечил некоторый порядок и поменял оценки.

Вернемся к религиозно-политическому дискурсу Бар 'Эбройо. Отступление от Бога незамедлительно влечет за собой военные и политические неудачи и в итоге потерю трона. Сообщая о непростых взаимоотношениях Чингис-хана и кереитского вождя Ван-хана (которого он, подобно многим своим единоверцам, отождествляет с легендарным Иоанном, «царем христиан») [*The Chronography*, 1932, р. 352], автор внес в текст Джувейни добавление о том, что Ван-хан «отвратил свое сердце от страха Христова» – это и послужило причиной его поражения [*The Chronography*, 1932, р. 353].

Этим оправдание побед Чингис-хана не заканчивается. Верный национально-конфессиональному историографическому принципу, Бар 'Эбройо приводит рассказ о событиях, предварявших поход монголов против Хорезма в 1219–1221 гг. Промонгольские авторы, включая Джувейни, более или менее убедительно перекладывают вину за развязывание войны между Чингис-ханом и хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом на последнего: по их словам, он либо не сумел обуздать своего оттарского наместника Инал-хана, разграбившего монгольский караван, а затем вырезавшего монгольское посольство, либо эти преступления были совершены по его приказу. Потрясенный вопиющей несправедливостью, Чингис-хан якобы взобрался на вершину горы, поближе к своему божеству – Вечному Синему Небу, где три дня постился и исповедовался перед ним, утверждая, что зачинщиком этой смуты был не он. Сирийский историк нашел этот материал подходящим для своего произведения и воспроизвел мольбу Чингис-хана [*The Chronography*, 1932, р. 357].

Передача власти Чингис-ханом своему сыну Угэдэю изложена согласно тексту Джувейни со значительными сокращениями, однако во «Всеобщей истории» мы видим любопытную деталь, отсутствующую в тех рукописях труда персидского историка, которые были учтены в публикации Мухаммада Казвини, с которой Дж. Бойлом был сделан английский перевод¹⁵. В ходе ритуала провозглашения Угэдэя ханом, его брат Чагатай и дядя Отчигин взяли его за руки и усадили на трон из четырех подушек, означавший господство над четырьмя четвертями мира [*The Chronography*, 1932, р. 393]¹⁶. К сожалению, сейчас затруднительно сказать, заимствовал ли Бар 'Эбройо описание этого трона из недоступного нам списка «Истории завоевателя мира», услышал от кого-либо или домислил его сам. По существу, рассказ содержит намек на великое будущее Угэдэя как покорителя всей земли, но, насколько можно судить на основании совокупности источников, идея мирового господства впервые была озвучена на великом курултае 1235 г., т.е. шесть лет спустя интронизации Угэдэя,

¹⁵ У Джувейни читаем: «Чагатай взял его правую руку, а Отчигин – левую, и по решению зрелого рассуждения и при поддержке молодой удачи утвердили его на троне» [Juvaini, 1997, р. 187]. Рашид ад-Дин добавляет в обряд интронизации участие Тулуя, а в остальном следует Джувейни [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19].

¹⁶ Источник информации об этих «подушках власти» нам неясен, хотя не вызывает сомнений, что их число в дворцовых церемониалах регламентировалось особыми правилами. Например, на пирах при дворе сасанидских монархов придворные возлежали на подушках (*barj*), количество которых символизировало важность той или иной персоны [Дагуае, 2009, р. 11]. В буддийских монастырях Монголии на сиденья для лам помещали специальные подкладки (*олбоки*), представлявшие собой два-три куска войлока квадратной формы, наложенные друг на друга, вместе простеганные и обтянутые материей. Чем выше был статус духовного лица, тем больше *олбоков* ему полагалось (от одного до семи) [Позднеев, 1993, с. 40–41]. Достаточно вероятно, что предтечей монгольского ритуала в данном случае мог быть сельджукский ритуал (консультация П.В. Башарина).

когда был повержен старый враг монголов – чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234). Джувеини писал свой труд в 1252/1253–1260 гг.; к тому времени единая Монгольская империя достигла вершины своего могущества и максимальной протяженности. Ретроспективно он мог приписать ритуалу интронизации, на котором сам не присутствовал, некоторые моменты, реально не имевшие места. В свою очередь, аналогично мог поступить и Бар 'Эброй, приступивший к сочинению «Всеобщей истории» еще позже, в 1272 г., после ознакомления с рукописью Джувеини. В любом случае, сохраняется вероятность того, что или оба автора, или, по крайней мере, один из них – Бар 'Эброй – относит ритуализированное оформление идеи мирового господства монголов уже к 1229 г.

В изложении военных походов монголов Бар 'Эброй довольно точно следует Джувеини [*The Chronography*, 1932, р. 394]. На наш взгляд, эти кампании первой половины 1230-х гг. еще нельзя считать реализацией широкомасштабных завоевательных планов, поскольку последних, скорее всего, тогда просто не было. Более обоснованной представляется версия о карательном их назначении, так как, прежде всего, автор повторяет мысль Джувеини об отправке нойона Чармагуна в Хорасан и соседние земли для уничтожения последнего представителя династии хорезмшахов – знаменитого противника монголов Джалал ад-Дина Манкбурны, что подтверждается другими источниками. Далее, поход на Булгар был необходим как месть за ожесточенное сопротивление отрядам Субэдэя и Чжэбэ, возвращавшимся через Поволжье в родные степи в 1223 г. Одним из руководителей этого похода как раз и был теперь назначен Субэдэй. То, что наш автор называет Индией, у Джувеини является Тибетом. Наконец, под Китаем здесь следует понимать Цзинь, завершить разгром которой якобы завещал сам Чингис-хан незадолго до своей кончины [Китайская династийная история, 2009, с. 161–162].

Бар 'Эброй взял из сочинения Джувеини также положения Великой Ясы, общим числом девять. Они излагаются компактно, одно за другим [*The Chronography*, 1932, р. 354–355], и для нас интересны только тем, что благодаря Бар 'Эброй сирийские христиане получили возможность ознакомиться с этим сводом монгольских законов, который стоит явно выше норм обычного права кочевников. Вопросы общественного и государственного устройства, военного дела, внешней политики выдают в нем имперское законодательство.

ДЕЯНИЯ ИЛЬХАНОВ В ОСВЕЩЕНИИ БАР 'ЭБРОЙ

Век первых четырех ильханов описан Бар 'Эброй как непосредственным свидетелем и участником событий. Некоторые моменты заслуживают обсуждения.

Ильхан Текудер, удостоившийся в «Церковной истории» эпитета «прославленный» (*naṣīḥā*) [*Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum*, 1877, р. 453/454], предложил султану Египта Калауну аль-Альфи (1279–1290) мир, однако, изложил свое предложение в форме ультиматума, характерного для эпохи единой Монгольской империи, правители которой признавали только две категории государств – покорившиеся и взбунтовавшиеся¹⁷. Соответственно, неподчинение султана монголам квалифицируется как мятеж, и ответственность за более чем вероятное пролитие крови в случае его подавления целиком возлагается на египетского монарха: «Согласно повелению Божьему и закону, который наш отец Чингиз хан составил для нас, царство монголов досталось мне по жребию. И поскольку Бог призвал меня к миру, я желаю, чтобы каждый человек наслаждался мирной и спокойной жизнью в своей собственной стране и чтобы сражения, убийства и пленения исчезли с лица земли. Поэтому, если у тебя

¹⁷ Письма Абаги египетскому султану Аз-Захир Бейбарсу аль-Бундукдари (1260–1277) тоже были выдержаны в традиционном чингисидском стиле, и его предложения о мире подразумевали не что иное, как безоговорочное подчинение султана ильхану [Amitai-Preiss, 1994].

есть одинаковые мысли в этом деле, протяни руку мира и покорности. А если ты останешься в состоянии мятежа, Бог взыщет с тебя за кровь несчастных людей, которая прольется» [*The Chronography*, 1932, р. 467]. Кроме того, из этого послания следует, что Текудер приравнивает ильханат к «царству монголов» и, вероятно, претендует на то, чтобы считаться главой всех завоеванных монголами земель. Скорее всего, это лишь дипломатический трюк, призванный устрашить оппонента своим величием.

Совершенно иную позицию, согласно «Хронографии», демонстрирует следующий глава ильханата Аргун. О своем восшествии на трон он известил в указе, где, помимо прочего, отметил пределы своих земель «от реки Гихон до Франкистана» [*The Chronography*, 1932, р. 474]. Рекой Гихон (Геон) в Библии называется одна из четырех рек, чьи истоки лежат в Эдеме. Арабам она была известна под именем Джейхун (современная Амударья). Франками на средневековом Востоке называли европейцев. Из указа Аргуна, конечно, нельзя делать вывод о его претензиях на все земли до самой Европы. Вероятнее всего, он имел в виду владения крестоносцев в Палестине и прибрежной полосе Сирии – Иерусалимское королевство и графство Триполи. Это заявление ильхана примечательно тем, что оно вполне корректно проводит западную и восточную границы государства Хулагуидов. Разумеется, нельзя поручиться в том, что приведенные здесь топонимы действительно фигурировали в указе; по крайней мере, маловероятно, чтобы Аргун прибегал к библейской лексике для обозначения Джейхуна. Между тем отсутствие вселенских претензий этого ильхана также подтверждают его сношения с европейскими монархами и папой римским как с равными партнерами на международной арене, к чему был привлечен и мар Ябалаха III. По-видимому, в контактах с правителями Европы Аргун не высказывал претензий на земли Египта.

Южно-кавказскому и ближневосточному кругу источников, появившихся из-под пера христианских авторов, присуще наделение ильханов (в противоположность великим ханам и остальным монголам) религиозными заслугами, которыми те не обладали. Так, Бар 'Эбройо уподобляет Сорхатани-беги (?–1252) – мать основателя ильханата Хулагу – святой Елене (ок. 250–330) [*The Chronography*, 1932, р. 398], матери римского императора Константина I (272–337). По предположению М. Васко, так сирийский историк выразил надежду, что Сорхатани-беги будет иметь такое же благотворное влияние на своих сыновей, какое Елена оказывала на Константина [Vasko, 2006, р. 42]. Интересно отметить, что армянский историк Степанос Орбелян (1250–1305) переносит славу этих римских святых на Хулагу и Докуз-хатун: «Знает Бог, были ли они в благочестии ниже Константина и матери его, Елены» [*История монголов*, 1873, с. 46]. Вероятнее всего, столь высокую оценку христианских историков Хулагу заслужил тем, что разгромил Аббасидский халифат и казнил халифа, а его супруге нередко приписывается спасение христианского населения Багдада от монгольских мечей в феврале 1258 г. И сирийцы, и армяне видели в потомках Чингис-хана своих покровителей, друзей Христовой веры, ниспровергших «агарян» [Кораев, 2017, с. 89], но такое представление сформировалось далеко не сразу.

Подводя итоги, отметим, что сирийские историки показывают хорошую осведомленность не только в делах элиты государства Хулагуидов, к которой принадлежали сами, но и в истории великих монгольских ханов, начиная с самого Чингис-хана. Несмотря на периодически появляющиеся на страницах их сочинений титулы ильханов, неадекватные их реальной политической роли и никогда им не принадлежавшие, и раздувание региональных событий до глобального уровня, они не содержат прямых сведений о планах монголов покорить «всю вселенную» и не дают повода преувеличивать масштабы монгольских завоеваний. Хотя основные источники – труды Бар 'Эбройи и «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» создавались уже после распада Монгольской империи на враждующие между собой государства, имперская идеология оставила в них весьма заметный след.

Возможно, в некоторой степени этому благоприятствовало сохранение дружественных связей и исходной субординации между ильханами и монгольской династией Юань в Китае, основанной Хубилаем и, по существу, бывшей правопреемницей единой империи. Хорошо известно, что Хубилай присылал потомкам Хулагу ярлыки на правление в их улусе. В своих оценках монголов сирийские источники близки произведениям, созданным в XIII–XIV вв. в христианской среде Южного Кавказа и в какой-то мере даже Руси: они так же четко отделяют злодеяния воинов, их командиров и ханских эмиссаров от «благих дел» великих и улусных ханов, и оправдывают монгольское нашествие собственными грехами.

Автор сердечно благодарит Н.Н. Селезнёва и А.Д. Притулу за оказанную помощь в работе с сирийскими источниками и поиске труднодоступных исследовательских работ и В.В. Прудникова за переводы с латинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бар Гебрей. *Tarih muhtasar ad-duval*. Ред. А. Салхани. Бейрут: Imprimerie catholique, 1890 (на араб. яз.) [Bar Gebrej. *Tarih muhtasar ad-duval*. Ed. by A. Salhani. Beirut: Imprimerie catholique, 1890 (in Arabic)].
- Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых армянских источниках. Восток (*Oriens*). 2019. № 4. С. 117–134 [Drobyshev Yu.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in the Medieval Armenian Sources. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 117–134 (in Russian)].
- Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых грузинских источниках. Восток (*Oriens*). 2020. № 1. С. 17–27 [Drobyshev Yu.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in the Medieval Georgian Sources. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 17–27 (in Russian)].
- Исмаилова Ю.А. «*Tarih muhtasar ad-duval*» Абу-л-Фараджа Бар Эбрея (XIII в.) и его источники мусульманского происхождения: Автореф. ... к.и.н. Ташкент, 1995 [Ismailova Yu.A. “*Tarih muhtasar al-duval*” by Abu-l-Faraj Bar Ebroyo (13th century) And Its Sources of Muslim Origin: Abstract of PhD thesis. Tashkent, 1995 (in Russian)].
- История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Пер. Н.В. Пигулевской. М.: Изд-во восточной литературы, 1958 [History of Mar Yaballaha III and Rabban Sauma. Translated into Russian by N. V. Pigulevskaya. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958 (in Russian)].
- История монголов по армянским источникам. Вып. I. Пер. К.П. Патканова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1873 [The History of the Mongols According to Armenian Sources. Issue I / Translated into Russian by K.P. Patkanov. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1873 (in Russian)].
- Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р.П. Храпачевского. Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М.: [Б.и.], 2009 [The Chinese Dynastic History “Yuan shi (The Official History [of the Dynasty] Yuan)”. Translated into Russian by R.P. Khrapachevsky. The Golden Horde in the Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources. Moscow, 2009 (in Russian)].
- Кораев Т.К. Политическая идентичность сиро-христианского социума под властью хулагуидских ильханов (XIII–XIV вв.): некоторые наблюдения. Исторический вестник. 2017. Т. 20. С. 82–105 [Koraev T.K. Political Identity of Syro-Christian Society under the Rule of Hulaguid Ilkhans (13th–14th centuries): Some Observations. *Historical Bulletin*. 2017. Vol. 20. Pp. 82–105 (in Russian)].
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000 [Pigulevskaya N.V. Medieval Syrian Historiography: Studies and Translations. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000 (in Russian)].
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011 [Pigulevskaya N.V. Medieval Syrian Historiography: Studies and Translations. 2-nd edition. S. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011 (in Russian)].

Позднеев А.М. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу*. Изд. 2-е. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993 [Pozdneeв A.M. *Sketches of Life of Buddhist monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with the Relation of This Latter to the People*. 2-nd ed. Elista: Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993 (in Russian)].

Притула А.Д. *Восточносирийский гимнографический сборник Варда (XIII–XVI вв.)*. Исследование, публикация текстов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014 [Pritula A.D. *Western-Syriac Hymnographic Collection Varda (13–16 centuries). Research, Publication of Texts*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2014 (in Russian)].

Притула А.Д. *Из келий в ханские шатры: сирийская поэзия монгольского времени. Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 2 (33). С. 88–117 [Pritula A.D. *From Cells to Khan's Tents: Syriac Poetry of Mongolian Time. State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2015. No. 2 (33). Pp. 88–117 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. II. Transl. into Russian by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960 (in Russian)].

Селезнев Н.Н. *Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк*. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001 [Seleznєv N.N. *Assyrian Church of the East. Historical Essay*. Moscow: Assiriiskaia Tserkov' Vostoka, 2001 (in Russian)].

Amitai-Preiss R. An Exchange of Letters in Arabic between Abaya Īlkhān and Sultan Baybars (A.H. 667/A.D. 1268–69). *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. No. 1. Pp. 11–33.

Anonymi Auctoris Chronicon ad A.C. 1234 Pertinens II. Traduit par A. Abouna, introduction, notes et index de J.-M. Fiey. Louvain: Waversebaan, 1974.

Borbone P.G. Un ambassadeur du Khan Argun en Occident: Histoire de Mar Yahballaha III et de Rabban Sauma (1281–1317). Trad. de l'italien par A. Egly. Paris: L'Harmattan, 2008.

Borbone P.G. Bar 'Ebroyo and Juwaynī: A Syriac Chronicler and his Persian Source. *Acta Mongolica*. 2009. Vol. 9. Pp. 147–168.

Borbone P.G. Due episodi delle relazioni tra mongoli e siri nel XIII secolo nella storiografia e nellapoesia siriana. *Egitto e Vicino Oriente*. 2010. Vol. 33. Pp. 205–228.

Borbone P.G. Wooden Stirrups and Christian Khans: Bar 'Ebroyo's Use of Juwaynī's "History of the World Conqueror" as a Source for his "Chronography". *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 2016. Vol. 19. No. 2. Pp. 333–369.

Borbone P.G. Marāgha mdittā arškītā: Syriac Christians in Marāgha under Mongol rule. *Egitto e Vicino Oriente*. Vol. XL. Pisa: Pisa University Press, 2017.

Borbone P.G., Orenго A. The Church at the Court of Arghun in Syriac and Armenian Sources. *Bazmavep*. 2010. CLXVIII année. No. 3–4. Pp. 551–580.

Braida E. A Poetic Adaptation of Historical Sources: On an Attack by the Mongols at Karamlish by Thomas Hanna of Karamlish. *Religious Poetry in Vernacular Syriac from Northern Iraq (17th–20th Centuries): An Anthology*. Leuven, Belgium: Peeters, 2011. Pp. 109–131.

Budge, Wallis E. A. *The Monks of Kubla Khan, Emperor of China*. London: Religious Tract Society, 1928.

Conrad L.I. On the Arabic Chronicle of Bar Hebraeus. *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes. Recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. 1994. Vol. 19. Pp. 319–378.

Daryaee T. *Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire*. L.; New York: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2009.

Deutsch A. *Edition dreier syrischer Leider nach einer Handschrift der Berliner Königlichen Bibliothek*. Berlin: Druck von H. Itzkowski, 1895.

Dickens M. *Medieval Syriac Historians' Perception of the Turks*: MPhil Dissertation. University of Cambridge, 2004.

Fiey J.M. *Chrétiens syriaques sous les Mongols (Il-Khanat de Perse, XIIIe–XIVe s.)*. CSCO. Vol. 362. Subs. 44. Louvain: Secrétariat du Corpus SCO, 1975.

Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum. T. II. Eds. J.-B. Abbeloos and T.J. Lamy. Paris/Louvain: Maisonneuve/Peeters, 1874.

Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum. T. III. Eds. J.-B. Abbeloos and T.J. Lamy. Paris/Louvain: Maisonneuve/Peeters, 1877.

Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Trans. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Maris, Amri et Slibae de patriarchis nestorianorum commentaria. T. I. Amri et Salibae textus. Versio latina. Ed. H. Gismondi. Roma: Excudebat C. de Luigi, 1897.

Murre-van den Berg H. The Church of the East in Mesopotamia in the Mongol Period. *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia. Collectanea Serica*. Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica, 2006. Pp. 377–394.

Pritula A. Zwei Gedichte des Ḥāmīs bar Qardāḥē: Ein Hochgesang zu Ehren von Bar ‘Ebrōyō und ein Wein-Gedicht für die Khan-Residenz. *Geschichte, Theologie und Kultur des syrischen Christentums: Beiträge zum 7. Deutschen Syrologie-Symposium in Göttingen, Dezember 2011*. Eds.: M. Tamcke, S. Grebenstein. Göttinger Orientforschungen, I. Reihe: Syriaca 46. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. Pp. 315–328.

Takahashi H. *Barhebraeus: A Bio-Bibliography*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2005.

Takahashi H. Simeon of Qal’a Rumaita, Patriarch Philoxenus Nemrod and Bar ‘Ebroyo. *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 2001. Vol. 4. No. 1. Pp. 45–91.

Tamcke M. Heuschrecken, Dürre und Mongolen: Gott und die Katastrophen in der syrischen Literatur. *Vorsehung, Schicksal und Göttliche Macht: Antike Stimmen zu Einem Aktuellen Thema*. Eds. R.G. Kratz, H. Spieckermann. Tübingen: JCB Mohr, 2008. S. 241–263.

The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj 1225–1286 the Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus Being the First Part of His Political History of the World / Tr. by Budge, E.A. Wallis. London: Oxford University Press, 1932.

The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj, 1225–1286, the Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus, being the First Part of his Political History of the Word / Ed. by Budge, E. A. Wallis. Vol. II: Syriac texts. Amsterdam: APA-PHILO PRESS, 1976.

The History of Yaballaha III Nestorian Patriarch and of his Vicar Bar Sauma, Mongol Ambassador to the Frankish Courts at the End of the Thirteenth Century. Tr. by J.A. Montgomery. New York: Columbia University Press, 1927.

Vasko M. *Writing a Christianized History of the Mongols. The Mongols in Syriac Texts in the Late 13th and Early 14th Century*: Master Thesis. University of Oulu, Finland, 2006.

Weltecke D. *Die “Beschreibung der Zeiten” von Mōr Michael dem Grossen (1126–1199). Eine Studie zu ihrem historiographiegeschichtlichen Kontext*. CSCO 594. Subs. 110. Leuven: Peeters, 2003.

Weltecke D. Bar ‘Ebroyo on Identity: Remarks on His Historical Writings. *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 2016. Vol. 19. No. 2. Pp. 303–332.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.